

Научная статья

УДК 821.551

DOI 10.17223/18137083/81/6

**О чем говорят сюжеты и мотивы
литератур народов Сибири и Дальнего Востока
XX века**

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

Литературное творчество писателей, представителей коренных народов Сибири, обретших письменность в XX в., становится как репрезентацией победы советского политического проекта, так и рефлексией о судьбе этих народов. Литература дала необходимый для этой рефлексии семиотический язык. Созданную в текстах картину национального мира писатели предъявляли как эталон родной культуры. Однако родная культура в их книгах оказывается не столько этническим феноменом, сколько универсальной моделью, репрезентированной посредством общей для разных народов Сибири сюжетно-мотивной парадигмы.

Ключевые слова

литературы коренных народов Сибири и Дальнего Востока, сюжеты, мотивы, свое и чужое

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)

Для цитирования

Непомнящих Н. А. О чем говорят сюжеты и мотивы литератур народов Сибири и Дальнего Востока XX века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 77–90. DOI 10.17223/18137083/81/6

© Непомнящих Н. А., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 77–90
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 77–90

Plots and motifs of the literatures of Siberian indigenous peoples in the twentieth century: topical research issues

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

The literatures of the indigenous peoples of Siberia, who had no written languages before the Soviet period, were the outcome of the state-sponsored project and were to become “national by their form and soviet by their content.” However, the authors, subjects, and topics of these literary texts were initially associated with a certain ethnonym, culture, and mentality. They were also isolated from other literature texts due to institutional and infrastructural reasons: the works of indigenous writers were published as special book series by specialized publishing houses. As a result, a corpus of literary texts with similar topics, subjects, plots, and motifs was formed. This similarity goes beyond the common sources in the mythology and folklore. The authors’ introspection on ethnical self-identification and writers’ reflections on the ill-fated disappearance of their cultures and peoples become the main plot and motif “generators” in books of the second half of the 20th century. The study has identified four main groups of plots: 1) childhood plots: everyday life descriptions including detailed descriptions of rites and rituals, the plot of a wise old man/woman’s death, the motifs of loss and memory, idyllic topoi; 2) hunting plots: the most common plot is about breaking a taboo or rule and the consequences; 3) shaman plots and related plots about journeys to other worlds, literal and symbolic, and oneiric motifs; 4) plots about interactions with outsiders. It is concluded that the literatures concerned proved to be mostly writers’ reflections on the fate of their peoples and native culture.

Keywords

the literatures of the Siberian Indigenous peoples, hunting plots, shaman plots, stories about interactions with outsiders, plots and motifs

Acknowledgments

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences “Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language” supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract no. 075-15-2019-1884

For citation

Nepomnyashchikh N. N. Plots and motifs of the literatures of Siberian indigenous peoples in the twentieth century: topical research issues. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 77–90. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/6

Литературы некоторых народов: эвенков, хантов, манси, ненцев, удэгейцев, коряков, нивхов, проживающих на территории Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, начинают свою историю в XX в. в совершенно иных исторических условиях, чем русская и европейские.

Их появление было инициировано «сверху» и реализовано по одному и тому же сценарию: создание новых административных единиц на территориях, где традиционно проживали коренные народы [Стась, 2020а; 2020б], затем внедрение экономических и культурно-образовательных институций, проводивших единую советскую политику на местах. Поначалу большое внимание уделялось созданию

рабочего класса, или «туземного пролетариата» [Слѣзкин, 2017; Стась, 2021], однако параллельно был запущен процесс воспитания национальных партийных и педагогических кадров, а также национальной интеллигенции, которая должна была стать проводником социальных преобразований [Караваева, 1936; Попов, 1936].

В рамках этого масштабного государственного проекта происходило конструирование новых национальных идентичностей и культур. В первую очередь менялась номенклатура наименований коренных народов: термины «инородцы» и «туземцы», активно используемые на протяжении 1920-х гг., в 1930-х гг. были отвергнуты, а дореволюционные названия «остяки», «вогуль», «самоеды», «тунгусы» и прочие заменены новыми этнонимами [Соколова, Туголуков, 1983; Соколовский, 1998; Hirsch, 2005; Мартынова, 2012; Конев, 2014; Стась, 2018]. Практически в это же время на картах появились новые национальные автономии, и для каждого народа учеными-лингвистами была разработана письменность. Тогда же создана необходимая инфраструктура в сфере образования и культуры. Новые литературы должны были, с одной стороны, свидетельствовать об успехе этого уникального культуртрегерского начинания, с другой – быть одним из орудий идеологического просвещения и «классовой борьбы». Литературам полагалось стать репрезентацией новой культуры, ее идеологического содержания, а также демонстрацией полной победы социалистического государства над «отсталостью» коренных народов.

Они получали названия в соответствии с новой номенклатурой названий коренных народов: чукотская, эвенкийская, ненецкая, мансийская и хантыйская, впоследствии корякская, нивхская и т. п., и сохраняли это наименование весь советский и постсоветский период. Именно в таком виде некоторые названия вошли в «Краткую литературную энциклопедию» [1962–1978]. В дальнейшем, после распада СССР, традицию выработанных в советское время номинаций национальных литератур по этнониму продолжил В. В. Огрызко, под редакцией которого вышло более полутора десятка сборников о них, а также несколько справочных изданий [Огрызко, 1999; 2013]. Однако подход В. Огрызко к выделению той или иной национальной литературы нельзя назвать бесспорным: так, он склонен видеть «национальные литературы» даже там, где речь идет по преимуществу об устной традиции (сборники «Ительменская литература», «Долганская литература»).

Вопрос о том, что кладется в основу классификации и выделения «национальной литературы», как правило, российскими исследователями литератур коренных народов не ставится: исследователь начинает говорить о той или иной конкретной литературе как о само собой разумеющемся объекте изучения, избегая определения его границ. Но каковы те основания, по которым о некоторой совокупности произведений словесности можно сказать, что это «литература» и именно «национальная»?

Сам термин «национальная литература» двойственен: в XIX в. под национальной понималась литература, выражающая «дух народа». В XX в. в процессе создания новой государственной идеологии появляется суждение о том, что национальные литературы – это пережиток «буржуазного общества» [ЛЭ, 1929–1939], появляется ставшая расхожей формулировка «национальная по форме, социалистическая по содержанию» – о литературах национальных республик и «окраин». «Национальная по форме» поначалу, по всей видимости, подразумевала «написанная на родном языке».

Если брать за основу определения национальной литературы язык, то окажется, что для литератур коренных народов Сибири и Дальнего Востока этот фактор тоже нельзя рассматривать в качестве универсального объединяющего их в институциональную «литературу» внутри национальной культуры. Если изначально первые студенты-писатели и выпускники Института народов Севера начинали свое литературное творчество на родном языке, используя специально созданные для их языков письменности и ощущая себя хранителями своих редких языков, то впоследствии, ко второй половине XX в. (начиная с послевоенных лет), многие литературы по преимуществу стали бытовать на русском языке: рецепция национальных литератур в СССР как читателями, так и исследователями в большинстве случаев была возможна лишь на языке межнационального общения – русском.

Отсюда проистекает одна серьезная проблема, напрямую касающаяся изучения литератур коренных народов Сибири и Дальнего Востока и пока недостаточно отрефлексированная исследователями: доступность и точность подстрочных переводов. Для первых произведений в 1930-е гг. таковые «технические», подробные и точные переводы делались, такой перевод обязан был быть не просто максимально точным, а буквально параллельным оригиналу, часто в ущерб его литературности, поскольку это были тексты, ориентированные на обучение русскому языку детей и взрослых. Таковы переводы повестей К. Кеккетына с корякского С. Н. Стебницкого, таков первый перевод повести Н. Тарабукина «Мое детство» до того, как была сделана ее литературная обработка Г. Гором. Впоследствии все они подверглись литературной обработке, иногда заметно их преобразившей. Переработка касалась, как правило, не авторского стиля – его как раз авторы обработок обычно стремились сохранить, а содержательной части, где изменения и изъятия текста могли существенно исказить смысл: например, в повести «Эвныто-пастух» Кеца Кеккетына сокращены последние главы и полностью переписан финал, из которого исчез авторский вариант, где описано собрание пастухов по раскулачиванию их бывшего хозяина [Непомнящих, Полторацкий, 2018]; из повести Н. Тарабукина изымается стихотворение, ее открывающее, отчасти меняется последовательность изложения событий и т. д. В повести К. Кеккетына изменения носят принципиальный характер, имеют, по всей вероятности, идеологическую подоплеку и связаны с судьбой автора: он был арестован в 1938 г. [Голованева и др., 2018], как и многие комсомольские и партийные работники – представители советской власти в новых государственных национальных территориальных образованиях в это время. Поскольку репрессии конца 1930-х гг. и война обрывают жизнь многих писателей – выходцев из коренных народов, линия преемственности внутри самих новых литератур оказывается прерывистой.

Продвижение выпускников Института народов Севера как по общественной и партийной лестнице, так и по профессионально-литературной зависело от партийных и писательских организаций, госзаказа, формировавшегося внутри соответствующих институций: профессиональных писательских объединений, отвечавших за проведение регулярных региональных и всесоюзных мероприятий; специальных издательств со штатами переводчиков и часто двуязычными редакторами, изданий серий сборников и т. д.; возможных квот для авторов «на местах» в литературных журналах местного и всесоюзного значения и т. д., что привело к повсеместному переходу на русский язык.

Многие авторы, писавшие прозу о своих народах по-русски, имеют статус национальных классиков: А. Немтушкин, Ю. Шесталов, Е. Айпин, А. Неркаги,

В. Санги. В результате появляется феномен «национальной литературы» на неродном (русском) языке. Совсем уйти от определения понятия «национальная литература» невозможно, поскольку, когда разговор идет о литературах коренных народов, состав авторов, тематика и проблематика художественных текстов привязаны к той или иной культуре, языку, этнониму, менталитету. При этом сюжеты и мотивы литератур народов Сибири удивительно близки и повторяются от автора к автору независимо от этнической принадлежности, образуя единый сюжетно-мотивный ряд, и тому есть несколько причин.

Методология изучения этих литератур довольно долгое время была сосредоточена на исследовании их общего мифопоэтического начала, связей с фольклором – выявлении в этом национальной специфики (см. [Цымбалистенко, 2003; Лагунова, 2007; Хазанкович, 2009; Жулева, 2020] и др.). Постколониальный дискурс находит в них общее на других основаниях [Смола, 2017; 2020]. Влияние политической ситуации или фольклора / мифологии определяет их близость, сходство же проявляется в повторении частотных сюжетов и мотивов у разных авторов, в их общих комбинациях и семантике. Каким образом можно их систематизировать в оригинальных и переводных текстах?

Компаративный метод и мотивный анализ позволяют анализировать специфику мотивную и сюжетную – надязыковую. Мотивы и сюжеты – единицы повествовательного языка, представляющего другим родную культуру. Одна из важнейших характеристик мотива – его повторяемость в корпусе текстов: писателя, литературного направления, внутри конкретной литературы определенной эпохи. Если совпадения не единичны, а системны, то повторяющиеся единицы повествовательного языка говорят о типическом и характерном именно для этих литератур и народов. Так, главный сюжет в творчестве нивхского писателя В. Санги – сюжет охоты на медведя и связанный с ним мотив нарушения закона / обычая – есть в разных модификациях у К. Кеккетына, Дж. Кимонко, П. Чейтметова, Г. Ходжера, Ю. Шесталова, А. Немтушкина, Г. Кэптукэ, Е. Айпина, т. е. сюжет не имеет выраженной этнической привязки. Древнейший культ медведя, распространенный во всем палеоазиатском регионе, стал источником литературных сюжетов, но это еще и бытовой, автобиографический сюжет.

Некоторые общие сюжеты и мотивы обусловлены одинаковой ситуацией, когда писатели в детстве или юности были вырваны из привычной среды, будучи отправленными на учебу в Институт народов Севера. Они возвращались на родину уже как представители другой культуры: на них возлагалась миссия быть проводниками новой власти. Эта распространенная жизненная ситуация часто становится завязкой сюжета или его частью: например, в «Сыне бедняка» А. Самара и в «Эвныто-пастухе» К. Кеккетына, «Последней дани обычаю» В. Санги, «Хантах, или Звезде утренней зари», «В полете над бездной» Е. Айпина. Сами писатели остро ощущали разрыв с родной культурой. Они оказались словно между двух миров: того, откуда родом, и нового, давшего им совершенно иные возможности, иной образ жизни, новый язык для творчества, новый статус. Внутри традиционного сообщества они превращались в чужаков: эта ситуация неоднократно описана, например, в повести «Когда качало меня солнце» Ю. Шесталова, в рассказе «Последняя дань обычаю» В. Санги, «В полете над бездной» Е. Айпина и др.

Это самоощущение приводило к эффекту болезненной утраты корней и поиску идентичности. Авторы оказывались в двойственной ситуации: с одной стороны, они – представители своих народов, существующих на географической и культурной периферии; с другой стороны, они – представители новой магистральной

советской культуры в лице ее институций. Причем внутри антиномии «родная старая – чужая новая» культура соотношение их оценки как «истинная – ложная» / «отсталая – прогрессивная» и, наоборот, как «питающая – разрушающая» могло меняться на протяжении жизни буквально одного-двух поколений или в пределах жизни одного и того же человека.

Литературное творчество, сфокусировавшись на проблематике, сюжетике и мотивике, связанных с жизнью и традициями коренных народов Сибири и Дальнего Востока, стало репрезентацией национальных культур, а к концу XX в. именно оно стало голосом, выразившим размышления об их кризисе, и в этом оно смыкается с «деревенской прозой» [Непомнящих, 2015]. Таким образом, сходство подавляющего количества мотивов и сюжетов в книгах разных авторов Сибири объясняется 1) общей для них политической ситуацией, ставшей импульсом возникновения литературного творчества у бесписьменных до XX в. народов; 2) общими мифологическими и фольклорными источниками; 3) одинаковым для всех авторов разрывом с родной культурой, породившим проблематику их книг; 4) кризисной ситуацией, в которой оказались традиционные культуры коренных народов в результате социальных преобразований.

В целом повторяющиеся мотивы и сюжеты в творчестве писателей, представителей хантыйской, мансийской, ненецкой, эвенкийской, удэгейской, нанайской, нивхской, корякской культур, образуют четыре устойчивые тематические группы.

1. Сюжеты и мотивы повестей о детстве

Знаковым жанром стали повести о детстве, с которых началось творчество многих авторов: «Мое детство» Н. Тарабукина, «Сын бедняка» А. Самара, «Младший сын Вэдо» А. Пырерка, «Там, где течет Сукпай» Дж. Кимонко; «Самая чистая радость» Ю. Шесталова, «Мне снятся небесные олени» А. Немтушкина, «В тени старого кедра» Е. Айпина, – все они своеобразные «энциклопедии» родной культуры, ее подробные фиксации. Более поздние книги о детстве подводят итоги, высказывают наблевшее – сожаление о безвозвратной потере, становятся попыткой запечатлеть утраты, оставить в памяти потомков родные обычаи и образ жизни: «Огонь исцеления» Ю. Шесталова; «У гаснущего очага» Е. Айпина, «Маленькая Америка» Г. Кэптукэ, «Последний шаман», «Чукотский анекдот» Ю. Рытхэу. Личная судьба, сотканная из эпизодов из детства, приобретает метафорическое звучание: жизнь ребенка символизирует участь народа. Эти романы и повести – размышление их авторов о прошлом, гимн родному пепелищу, и это не только личное утраченное время детства, но нечто большее: утрата народом золотого века – идеализированной прежней жизни по заветам предков.

Повести о детстве – ностальгические нарративы с общими авторскими стратегиями и сюжетно-мотивным корпусом, характерным для литератур кризиса традиционализма. Сюжет взросления и покидания родового гнезда связан в них с мотивами дома как ценностного ориентира, мудрых стариков – носителей сакральных знаний и традиций. В них обязательны сюжеты смерти, мотивы утраты и памяти, – все они повторяются из повести в повесть. Их специфика в том, что ребенок вынужденно порывает не только с отчим домом, но и с родными языком и культурой, отпадает от нее, попадая в школу-интернат или институт. Повести во многом автобиографичны, и в них, как правило, состоящих из циклов рассказов и включающих «вставные тексты» сказок, песен и др. фольклорных жанров, много бытовой сюжетике: подробные описания обрядов, праздников и хозяйственных

действий, в которых принимают участие члены семьи. Ниже схематично представлены частотные сюжеты и мотивы этих повестей:

1.1. Рутины: *розжиг очага и поддержание огня, обряды, связанные с огнем и приготовлением пищи / голод / изготовление оберегов, традиционной одежды / пастьба оленей и уход за ними / потерять-найти оленей.*

1.2. Семейные отношения:

А) Мудрый старик / старуха (см. также шаманы): *хранитель традиций / родовая память / смерть старика = смерть народа, рода / подготовка к смерти заранее / болезнь.*

Б) Сиротство и его вариации: *сирота и его нелегкая доля, бедствия, притеснения со стороны других и их последующее посрамление выросшим сиротой.*

В) Первая охота ребенка: *первый выстрел / радость родственников / торжественное приготовление добычи.*

1.3. Обряды:

А) Камлание шамана: *ребенок на камлании.*

Б) Медвежий праздник: *борьба мальчика с «медвежьей головой»; пляски, хоровод; захоронение останков медведя по обряду.*

В) Сватовство / игры / свадьба.

Г) Похороны: *соблюдение / нарушение обычая и последствия.*

2. Сюжеты взаимодействия человека с природой

Есть общая рамка, структурно-семантическая модель, по которой выстраиваются эти сюжеты – универсальная схема, соответствующая различным ситуациям в жизни многих сибирских народов: *недостача или нарушение баланса (стихией, зверем, человеком) – восполнение недостачи / баланса с соблюдением строгих ограничений – поддержание баланса.* Большинство сюжетов этой группы укладываются в нее.

Поддержание баланса требует соблюдения специальной этики – системы примет, обрядов, запретов, за нарушение которых следует наказание со стороны других: людей, зверей, природных стихий и духов. Эту схему предложила Е. Новик, описывая последовательность шаманских камланий¹.

Однако такая логика прослеживается не только в сюжетике шаманских камланий, но и в сюжетах соприкосновения человека с окружающим миром, а также в сюжете охоты как частном случае особо регламентированного взаимодействия человека и мира природы. В ней закодирована этическая основа, диктующая правила поведения и разных практик – от повседневных до сакральных. Эта этика предполагает строгий порядок в отношении вмешательства в природный мир, направленный на поддержание баланса. Человек соблюдает предписанные веками традиции и правила, поскольку это необходимо для него самого: он зависим от щедрости тайги и тундры. Если люди будут постоянно лишь бездумно потреблять, хрупкая северная экосистема разрушится, а на ее восстановление уйдут века.

¹ «Исходная ситуация (недостача: нарушение правил, вредительство, беда) – начало противодействия (получение информации о причинах бедствия, получение средств для посредничества, получение силы); – посредничество (перемещение, контакт с духами, результат контакта, перемещение); – ликвидация недостачи (передача ценности / информации, отсоединение силы, передача ценности = награждение шамана). Типы камланий в рамках этой синтагматической схемы несколько различаются, всего их 2 типа, в каждом из которых есть по два варианта» [Новик, 2004].

Если ты нарушаешь вековые правила, то нарушаешь равновесное состояние мира и покушаешься на существующую мировую гармонию, а поэтому наказание неизбежно: равновесие мира и баланс в нем должны быть восстановлены во избежание катастрофы. Нарушение может быть преднамеренным или случайным, необдуманном, вызвано разными «смягчающими» или «отягчающими» обстоятельствами, однако вне зависимости от этого нарушенный баланс подлежит восстановлению, а его восстановление невозможно без возмещения нанесенного миру ущерба. Иногда, чтобы возместить ущерб, человеку приходится расстаться с частью себя (ранение, увечье на охоте), иногда за особо страшным нарушением может последовать смерть.

Так, существуют свои ритуалы на охоте и в ходе ее подготовки, свои законы распределения добычи и разделки туши убитого зверя – сюжеты о нарушении обычаев, повлекших за собой последствия, есть у хантыйского писателя П. Чейтметова, нивхского В. Санги, удэгейского Дж. Кимонко, нанайского Г. Ходжера, эвенкийских А. Немтушкина и Г. Кэптукэ. Иногда обычай нарушает не отдельный человек, а целое поселение. Таков сюжет «Лесбега» О. Кошмановой: лесной великан, хозяин тайги Хумполэн-Комполь, успокаивается и перестает мешать жителям деревни и пугать детей только тогда, когда порядок в тайге восстановлен благодаря одному из жителей – мальчишка, выросший и ставший лесником, живет по завету предков, не позволяет тревожить тайгу, и она оживает, а лесной великан в благодарность защищает его. Таким образом, включенность в природу, ощущаемая не как зависимость от нее, но как данность, задающая весь традиционный уклад и цикличность годового календаря, – это и образ жизни, и мироощущение, которые существенно отличают народы Сибири от иной парадигмы, где человек – венец природы, вступающий с ней в противоборство.

Обобщенно повторяющиеся сюжеты, мотивы и топосы этой группы таковы:

1.1. Взаимодействие человека с природой:

А) Параллелизм судьбы человека и образа природного мира:

- *трагическая судьба дикого животного / птицы – трагическая судьба народа / отдельного человека;*
- *дружба человека и животного, человек жив, пока живо животное-тотем; животное-хранитель или оберег;*
- *дружба лесного хозяина и человека, беспокойство лесного хозяина людьми; дурные приметы и нарушения древних обычаев, приводящие к дурным погодным явлениям, инициированным хозяевами стихий;*
- *поступки человека и ответственность человека за природное равновесие: нарушение баланса и наказание; восстановление баланса и благодарность природы в лице ее разнообразных представителей.*

Б) Сюжет «охота» как способ изображения особой формы взаимоотношений человека и природы (соблюдение / нарушение обычая; нарушение / восстановление баланса):

- *первая охота / первая добыча; первый выстрел как одно из памятных переживаний;*
- *охота на медведя как целостный сюжет, подготовка к охоте с соблюдением необходимых ритуалов; нарушение ритуала как недобрая примета; соблюдение предписанных традиций и ритуалов; поиск медведя; первый медведь, трусость / отвага на охоте на медведя; охота как испытание; поединок с медведем; ранение / гибель охотника; празднование удачной охоты = описание элементов медвежьего праздника (обрядность контра-*

бандой в литературу); битва мальчика с медвежьей головой, похороны останков медведя; встреча с медведем в тайге (с последующим поединком и без него).

1.3. Обращение автора к родине, месту, где родился / описание малой родины / местный идиллический ландшафт или ландшафт как антропоморфный или зооморфный образ.

1.4. Природные явления как значимая часть заглавия / сюжета / самостоятельный мотив.

3. Сюжеты о шаманах и связанная с ними группа онейрических сюжетов о путешествиях в иные миры, буквальные и символические

Образ шамана – один из самых ярких в литературах коренных народов Сибири. Изображение камланий глазами ребенка – тот принципиально новый литературный сюжет, который появляется в книгах Н. Тарабукина, А. Пассара, Ю. Шесталова, А. Немтушкина, Е. Айпина, Г. Кэптукэ и др. Каждый из авторов с разной степенью полноты стремится дать представление о шамане, его атрибутах, предметах для камлания, порядке приготовления к нему и самом ходе действия. К ним примыкают сюжеты о путешествиях в иные миры во сне и другие сновидческие сюжеты. Частотные сюжеты о шаманах и другие топосы этой группы:

1.1. Шаманы – главные герои: *слепая шаманка; демонстрация особых способностей шамана / фокусы шамана.*

1.2. Камлание с целью врачевания: *демонстрация знания целебных свойств трав и веществ; исцеление при помощи духов; смерть / исцеление больного в результате шаманских действий больного.*

1.3. Ребенок на камлании: *описание танца шамана, описания экстатических состояний, испуг ребенка.*

1.4. Поединок шаманов / поединок шамана и представителя «цивилизации»: *доктора / политработника и др.: поражение шаманки в поединке; доктор объясняет шаманке суть лечения; помощь духов; арест шамана, шаман-вредитель / шаман и представители цивилизации.*

1.5. Похороны шамана / шаманки: *исчезновение тела шамана после похорон.*

1.6. Шаманство / писательство / творчество как родственные сферы, посвящение.

1.7. Предметы, используемые на камлании: *бубен, описание бубна (топос); изготовление бубна и оберегов; звуки бубна / «голос бубна»; пропажа бубна; изъятие бубна; чудесное возвращение бубна; чудесное исчезновение / обретение других шаманских предметов.*

Многим народам Сибири присуще представление об устройстве мира как трехчастном вертикальном пространстве, включающем Нижний, Средний и Верхний миры. Символику этого ментального ландшафта писатели активно используют в художественных текстах на уровне композиции, построения сюжета, отдельных мотивов. Онейрические сюжеты и мотивы:

2.1 *Странные недобрые сны; сны, предвещающие гибель или беду отдельного человека.*

2.2 *Сны, предвещающие гибель целого народа; сны / видения апокалиптического характера.*

2.3. Жизнь – путь в Нижний мир: *путешествия в Нижний мир перед смертью, жизненный путь героя как дорога в Нижний мир; жизненные испытания как путешествия по мирам.*

4. Сюжеты о столкновении с чужой культурой в лице ее представителей – о взаимодействии коренных жителей с чужаками

Конфликты своего и чужого в литературах народов Сибири можно интерпретировать двояко: во-первых, как конфликт условно «старого» и «нового»: традиционного образа жизни и того, что пришел вместе с советской властью в результате революционных преобразований, насильственно заставивший многое изменить, во-вторых, как конфликт традиционной культуры и глобализации, постепенно вытесняющей привычные быт, язык, обычаи. Во второй половине XX в. сюжеты, основанные на конфликтах «своего» и «чужого», переходят из политической сферы (богатые / бедные; красные / белые; советское / враги власти) в плоскость этическую: это столкновение разных систем ценностей, разных кодексов поведения, разного отношения к окружающей среде, причем конфликт этот разворачивается не только между «пришлыми» (нефтяниками, геологами и т. п.) и «коренными», но и между «своими». Таков сюжет рассказов Ж. Трошева «Тыёрча», «Таня», «Последние из могиан», «Смерть шаманки».

Такой двойной конфликт («пришлый – коренной» и «отец – дочь») лежит в основе сюжета рассказа «Отлек» Ю. Рытхэу. Главная героиня, девушка Эмуль, делает вахтовикам-синоптикам сувениры – маленькие статуэтки божков-пиликенов, которые вошли в моду. Ее умерший дед пообещал выточить фигурки, но умер, не завершив работу. Тогда она берется за нее и, хотя изготовление однотипных божков не кажется ей осмысленным занятием, «отдает долг деда». Отец сердится, хочет выбросить остатки моржового клыка, а дочь, которой нравится традиционная резьба, обещает отцу наделать пиликенов на продажу, и он отступает. Девушка стремится придать каждой стандартной фигурке индивидуальное выражение лица. Однажды к ней с просьбой сделать сувенир обратился симпатичный приезжий, и она решает сделать ему не серийного «пеликена», а красавца-отлека. Заказчик же оригинальную фигурку не оценил: он не видит ее красоты, не понимает, сколько труда стоит за этим изображением, поскольку весь мир этого места от него далек: ни здешние животные, ни природа, ни эта девушка не представляют для него интереса.

Рассказ, несмотря на всю его прямолинейную морализаторскую подоплеку, довольно хорошо иллюстрирует взаимоотношения пришедшей культуры с исконной. Коренная нужна и востребована только в качестве однотипного экзотического «сувенира», и неважно, насколько этот «экзотизм» будет связан с подлинной жизнью коренного народа, поскольку ею всерьез никто не интересуется. Сувенир нужен лишь в качестве «трофея» и символического присвоения «я там был», но не как знак инаковости другой культуры. У вахтовиков-временщиков нет потребности понимать ее: для них эти непохожие люди – такой же фон, как и тундра. Хотя здесь отчетливо видна распространенная романтическая доминанта сюжета «благородный дикарь – циничный представитель цивилизации», смысл шире. Этот сюжет – явная аллегория: так и в литературе от «национальных» писателей ждали одновременно «типового сувенирного продукта» с элементом «экзотики», а истинные традиции, обычаи, быт, верования народа оставались в тени официальной советской культуры или даже под запретом. Отчасти поэтому столь много совпадающего вне этнической привязки: почти у каждого писателя Сибири есть сюжеты о камлании или охоте на медведя. Авторы становились заложниками сформированного запроса внутри «большой культуры», представляя свои «малые». Однако свести их только к такому прочтению тоже было бы несправедливо: сюжеты из жизни и быта служили одновременно знаками безвозвратно утраченного

прошлого, посредством которых автор постулировал свою общность с родной культурой.

Таким образом, литературное творчество писателей, представителей коренных народов Сибири, обретших письменность в XX в., становится как репрезентацией победы советского политического проекта, так и рефлексией о судьбе этих народов. Литература дала необходимый для этой рефлексии семиотический язык и породила дискурс, где в столкновении с чужими культурой и языком стала возможна самоидентификация. Созданную в текстах картину национального мира и свою идентичность писатели, отчужденные от родных корней, предъявляли как эталон родной культуры, определяющий ее место среди других. Однако родная культура в их книгах оказывается не столько специфическим этническим феноменом, сколько универсальной моделью традиционной культуры, показанной посредством общей для разных народов Сибири сюжетно-мотивной парадигмы, о чем свидетельствуют частотные, совпадающие у разных писателей сюжеты и мотивы вне зависимости от того конкретного языка, которым написаны их книги. Этот «гипертекст», получившийся в результате проекта создания национальных литератур народов Сибири, необходимо рассматривать в его целостности и связности, а не как автономные литературы.

Список литературы

Голованева Т. А., Непомнящих Н. А., Полторацкий И. С. Версии гибели Кецай Кеккетына // Повести Кецай Кеккетына. Тексты. Переводы. Комментарии. Новосибирск, 2018. С. 383–386.

Жулева А. Три мира народов Севера. Литературные образы: Монография. М.: ФИЛИНЪ, 2020. 394 с.

Караваева Т. А. Подготовка национальных кадров // Сов. Арктика. 1936. № 5. С. 106.

Конев А. Ю. Инородческий дискурс в словаре власти и науки в период революции и социалистических преобразований в Сибири (1917 – 1930-е годы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 102–111. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Сов. энцикл., 1962–1978.

Лагунова О. К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень, 2007. 260 с.

ЛЭ – Литературная энциклопедия / Под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского: В 11 т. М., 1929–1939.

Мартынова Е. П. Народы Северо-Западной Сибири: дефиниции и научно-политический дискурс // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 13–18.

Непомнящих Н. А. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3 (122). С. 102–108.

Непомнящих Н. А., Полторацкий И. С. Повесть «Эвныто-пастух» в контексте социальной политики 1930-х годов в отношении народов Севера и Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-1 (86). С. 37–40. DOI 10.30853/filnauki.2018-8-1.8

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004. 304 с.

- Огрызко В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: Биобиблиогр. справ.: В 2 ч. М.: Лит. Россия, 1999.
- Огрызко В. В. Литература малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Лица и лики: Библиогр. справ. М.: Лит. Россия, 2013.
- Попов Н. Д. О ненецком литературном творчестве // Сов. Арктика. 1936. № 7. С. 27.
- Слёзкин Ю. Арктические зеркала. М.: НЛЮ, 2017. 509 с.
- Смола К. Постколониальные литературы Севера: автоэтнография и этнопоэтика // НЛЮ. 2017. № 2 (144). С. 429–447.
- Смола К. «Маленькая Америка»: (пост)социалистический реализм коренного Севера // НЛЮ. 2020. № 6 (166). С. 143–155.
- Соколова З. П., Туголуков В. А. Старые и новые названия народов Севера // СЭ. 1983. № 2. С. 76–87.
- Соколовский С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.
- Стась И. Политика идентичности и землеустройство малых народов российского севера: этничность, классовость, ведомственность (рубеж 1920-х – 1930-х гг.) // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2018. № 6 (57). С. 60–70.
- Стась И. Н. Возрожденные народы: национальное гражданство индигенного населения Севера в позднем сталинизме // Ab imperio. 2020a. № 3. С. 183–188.
- Стась И. Н. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // Quaestio Rossica. 2020b. Т. 8, № 5. С. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561
- Стась И. Н. Советская колонизация Арктики: государственная этнография и «туземный пролетариат» в экономических стратегиях развития Крайнего Севера (середина 1920-х – конец 1930-х гг.) // Ab Imperio. 2021. № 1. С. 93–136.
- Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 396 с.
- Цымбалистенко П. В. Север есть Север...: Исторические судьбы коренных народов Ямала в литературном освещении. СПб., 2003. 172 с.
- Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell Uni. Press, 2005. 367 p.

References

- Golovaneva T. A., Nepomnyashchikh N. A., Poltoratskiy I. S. Versii gibeli Ketsaya Kekketyna [Version of the death of Kekketyn]. In: *Povesti Ketsaya Kekketyna. Teksty. Pervody. Kommentarii* [Stories of Ketsai Kekketin. Texts. Translations. Comments]. Novosibirsk, 2018, pp. 383–386.
- Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, London, Cornell Uni. Press, 2005, 367 p.
- Karavaeva T. A. *Podgotovka natsional'nykh kadrov* [Training of national personnel] *Sov. Arktika*. 1936, no. 5, p.106.
- Khazankovich Yu. G. *Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa* [Folklore-epic traditions in the prose of the peoples of the North]. Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2009, 396 p.
- Konev A. Yu. Inorodcheskiy diskurs v slovare vlasti i nauki v period revolyutsii i sotsialisticheskikh preobrazovaniy v Sibiri (1917 – 1930-e gody) [Inorodskiy discourse in the vocabulary of power and science in the period of Revolution and socialist trans-

formations in Siberia (1917 – 1930s)]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 2019, vol. 18, iss. 8, pp. 102–111. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-8-102-111

Kratkaya literaturnaya entsiklopediya [Concise literary encyclopedia: In 9 vols.]. Moscow, Sov. entsikl., 1962–1978.

Lagunova O. K. *Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisateley nentsev i khantov posledney treti 20 veka* (E. Aypin, Yu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of creativity of Russian-speaking writers of Nenets and Khanty in the last third of the 20th century: E. Aypin, Yu. Val, A. Nerkagi]. Tyumen, 2007, 260 p.

Literaturnaya entsiklopediya: V 11 t. [The literary encyclopedia: In 11 vols.]. V. M. Fritsche, A. Lunacharskiy (Eds.). Moscow, 1929–1939.

Martynova E. P. *Narody Severo-Zapadnoy Sibiri: definitsii i nauchno-politicheskiy diskurs* [Peoples of North-Western Siberia: definitions and scientific and political discourse]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2012, no. 2, pp.13–18.

Nepomnyashchikh N. A. *Motivy utraty, umiraniya, pamyati v russkoy derevenskoy proze i v russkoyazychnykh proizvedeniyakh pisateley o korennykh narodakh Sibiri* [Motives of loss, death, memory in Russian village prose and in Russian-language works of writers on indigenous peoples of Siberia]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2015, no. 3 (122), pp.102–108.

Nepomnyashchikh N. A., Poltoratskiy I. S. *Povest' "Evnyto-pastukh" v kontekste sotsial'noy politiki 1930-kh godov v otnoshenii narodov Severa i Sibiri* [The story "Evenito-shepherd" in the context of the social policy of the 1930s regarding the peoples of the North and Siberia]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2018, no. 8-1 (86), pp.37–40. DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-1.8

Novik E. S. *Obryad i fol'klor v sibirskom shamanizme: opyt sopostavleniya struktur* [Rite and folklore in Siberian shamanism: the experience of comparing the structures]. Moscow, Vost. lit., 2004, 304 p.

Ogryzko V. V. *Pisateli i literaturnyye malochislennyye narody Severa i Dal'nego Vostoka: biobibliogr. sprav.: in 2 ch.* [Writers and literary scholars of indigenous peoples of the North and the Far East: Biobibliogr. handbook: in 2 pts.]. Moscow, Literaturnaya Rossiya, pt. 1, 1998, 542 p.; pt. 2, 1999, 556 p.

Ogryzko V. V. *Litsa i liki. Literatura malochislennyykh narodov Severa i Dal'nego Vostoka : biobibliogr. slov.* [Faces and images. Literature of indigenous peoples of the North and the Far East. Biobibliogr. dictionary]. Moscow, Lit. Rossiya, 2013, vol. 1, 67 p.; vol. 2, 566 p.

Popov N. D. *O nenetskom literaturnom tvorchestve* [On the literary creativity of the Nenets]. *Sovetskaya Arktika*. 1936, no. 7, p. 27.

Slezkin Yu. *Arkticheskie zerkala* [Arctic mirrors]. Moscow, NLO, 2017, 509 p.

Smola K. *Postkolonial'nye literaturnyye Severa: avtoetnografiya i etnopoetika* [Post-colonial literatures of the North: autoethnography and Ethnopoetics]. *New Literary Observer*. 2017, no. 2 (144), pp. 429–447.

Smola K. "Malen'kaya Amerika": (post)sotsialisticheskiy realizm korenogo Severa ["Small America": (Post)Socialist realism of the Indigenous North]. *New Literary Observer*. 2020, no. 6 (166), pp. 143–155.

Sokolova S. P., Tugolukov V. A. *Starye i novye nazvaniya narodov Severa* [Old and new names of the peoples of the North]. *Sovetskaya etnografiya*. 1983, no. 1, pp. 76–87.

Sokolovskiy S. V. *Ponyatie "korennoy narod" v rossiyskoy nauke, politike i zakonodatel'stve* [The concept of "indigenous people" in Russian science, policy and law]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1998, no. 3, pp. 74–89.

Stas' I. Politika identichnosti i zemleustroystvo malykh narodov rossiyskogo severa: etnichnost', klassovost', vedomstvennost' (rubezh 1920-kh – 1930-kh gg.) [Identity politics and the land management of the small peoples of the Identity policy of small peoples of Russian North: ethnicity, class, departmentality (end of 1920s – 1930s)]. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2018, no. 6 (57), pp. 60–70.

Stas' I. N. Vozrozhennyye narody: natsional'noe grazhdanstvo indigennogo nasele-niya Severa v pozdnem stalinizme [Revived peoples: national citizenship of the indigeneous peoples of the North in late Stalinism]. *Ab imperio*. 2020a, no. 3, pp. 183–188.

Stas' I. N. Issledovaniya gorodskikh identichnostey v istoricheskoy urbanistike Sibiri [Studies of urban identities in historical Urbanistics of Siberia]. *Quaestio Rossica*. 2020b, vol. 8, no. 5, pp. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561

Stas' I. N. Sovetskaya kolonizatsiya Arktiki: gosudarstvennaya etnografiya i “tu-zemnyy proletariat” v ekonomicheskikh strategiyakh razvitiya Kraynego Severa (seredina 1920-kh – konets 1930-kh gg.) [Soviet colonization of the Arctic: state ethnography and the "native proletariat" in economic strategies for the development of the Far North (The middle of the 1920s and the end of the 1930s)]. *Ab Imperio*. 2021, no. 1, pp. 93–136.

Tsymbalistenko P. V. *Sever est' Sever...: Istoricheskie sud'by korennykh narodov Yamala v literaturnom osveshchenii* [The North is the North...: Historical fate of indigeneous peoples of Yamal in literary elucidation]. St. Petersburg, 2003, 172 p.

Zhuleva A. *Tri mira narodov Severa. Literaturnye obrazy* [Three worlds of the peoples of the North]. Moscow, FILIN, 2020, 394 p.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K-6510-2017

Information about the author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Philology
WoS Researcher ID K-6510-2017

*Статья поступила в редакцию 10.07.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 15.08.2022
The article was submitted 10.07.2022;
approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 15.08.2022*